

Влияние СМИ на социально-психологические последствия терроризма

Роль средств массовой информации в жизни современного общества чрезвычайно велика. Функции современных СМИ вышли далеко за пределы простого информирования о различных событиях. Можно сказать, что СМИ являются одним из наиболее важных социальных институтов, регулирующих наряду с государственными структурами жизнь современного общества на самых разных уровнях — от трансляции духовных ценностей и социальных норм до воспитания и формирования общественной позиции в отношении различных событий, групп или отдельных персоналий.

Не последнюю роль играют СМИ и в процессе взаимодействия общества и государства в ситуации различных чрезвычайных событий, природных и техногенных катастроф. При этом СМИ не только информируют, но и влияют на формирование определенных социальных реакций и выработку поведенческих шаблонов [2]. В частности, это касается и освещения в СМИ психологических последствий террористических актов. Причем в данном случае влияние СМИ может быть как положительным, так и отрицательным. Так, например, непрофессиональное освещение событий, связанных с актами терроризма, способствует искажению информации, усилению отрицательного эмоционального состояния людей, повышению страха и паники, а также легитимизации насилия [1]. Поэтому обмен информацией между правительственными структурами и населением до террористического акта, в течение его и после чрезвычайно важен. Людям необходимо подготовиться и практически, и психологически к долговременной ситуации угрозы, научиться адекватно реагировать на возникшую опасность [8]. Помимо этого, грамотное и эффективное оповещение в СМИ способно препятствовать возникновению в обществе идеализированных представлений о террористах, а также устранять слухи и мифы разного толка [6; 7; 10].

Значимость роли СМИ в процессе информирования о террористическом акте обусловлена еще и тем, что современный терроризм ориентирован на СМИ. Своей конечной целью террористы видят не максимально возможное количество жертв и разрушений, а внимание многочисленной аудитории телезрителей и пользователей сети Интернет. В этой связи в качестве одной из основных задач при подготовке террористического акта выступает привлечение СМИ к освещению преступления или присутствие представителей СМИ. Этому есть несколько причин. Во-первых, освещение террористического акта в СМИ автоматически делает его общеизвестным и, как следствие, более заметным и значимым. Во-вторых, если рассматривать психолого-социальные последствия как приоритетную цель террористов, то ее достижение осуществляется именно через трансляцию террористического акта в СМИ, в частности на телевидении. Таким образом, последствия террористического акта распространяются на огромную аудиторию, минуя географические и временные барьеры, многократно увеличивая количество жертв [5]. При этом отметим, что последствия террористического акта не являются равнозначными по своему характеру и степени проявления, но тем не менее в своей совокупности они представляют систему, в которой последствия разного вида и уровня взаимосвязаны между собой. Т. е. последствия, проявляющиеся на личностном уровне, ведущие к изменению личностных характеристик или поведения, могут представлять собой социальную основу для формирования последствий террористического акта социального характера.

Одним из социальных последствий террористического акта следует считать изменения в обыденном сознании, связанные с оценением различных социальных групп. Прежде всего речь идет о формировании устойчивых стереотипов и оценок относительно системы «Свои — Чужие», что в сово-

купности создает основу для возникновения таких социально опасных явлений, как национализм, ксенофобия и экстремизм. Подобное оценивание происходит в трех плоскостях: аффективной, когнитивной и поведенческой (речь идет о формировании поведенческих диспозиций относительно оцениваемых объектов). Важно отметить, что перечисленные плоскости оценивания определяют не только процесс восприятия других людей и характер дальнейшего взаимодействия с ними, но и степень их принятия или непринятия в личностной системе «Свои – Чужие». Заметим, что данная система «Свои – Чужие» рассматривается как относительно неизменная и инвариантная, т.к. представляет собой базовую структуру категорий, лежащих в основе восприятия и оценивания объектов. Но при инвариантности данной категориальной системы сами оценки в рамках той или иной представленной области оценивания оказываются достаточно лабильны. Направленность оценок и степень их трансформации зависят от целого ряда как внешних, так и внутриличностных факторов. Здесь можно отметить как особенности самой личности, так и характер воспринимаемой информации о различных ситуациях, происшествиях и объектах. В частности, в нашем случае речь идет о террористических актах, самих террористах, различного рода меньшинствах и о государственных структурах. В нашем исследовании акцент делается именно на таком объективном факторе, способствующем изменению оценок, как характер транслируемой информации о террористическом акте. Речь идет о том, что не только сам факт трансляции определяет особенности психологических последствий террористического акта, но и содержание транслируемого материала. Определяющими в данном случае будут такие характеристики, как подробность сюжета, его эмоциональная насыщенность и упоминаемые в нем персоналии (пострадавшие, свидетели, сами террористы и т. д.).

Исходя из изложенных выше общих представлений, нами была разработана программа психосемантического исследования, ориентированная на выявление категориальных характеристик системы «свои – чужие» (первый этап). На следующем, (втором) этапе исследования, нами анализировались изменения оценок различных объектов в инвариантной системе «свои – чужие», связанные с трансляцией различных по содержанию сюжетов о террористическом акте.

Целью первого этапа исследования являлось выявление структуры базовых категорий (факторов), на основании которых в обыденном сознании происходит оценивание других объектов, в том числе и представителей различных групп (религиозных, национальных, социальных и т. д.) [3]. Для исследования системы базовых категорий обыденного сознания был сформирован опросник, содержащий 33 объекта, предлагаемых для оценивания: *гомосексуал, наркоман, сектант, христианин, бюрократ, повстанец, атеист, сотрудник правоохранительных органов (сотрудник ПОО), иммигрант, националист, коммунист, террорист, демократ, экстремист, космополит, мусульманин, азиат, араб, чернокожий* и т. д. Основанием для выбора подобных объектов является частота их упоминания в различных новостных и дискуссионных передачах (ток-шоу), а также в сети Интернет. Помимо этого, данные объекты являются знаковыми и резонансными в контексте таких современных российских реалий, как борьба с терроризмом и экстремизмом, неоднозначное отношение общества к представителям органов правопорядка, проблемы миграционной политики государства, религиозного и морального воспитания общества и т. д.

Представленные в опроснике объекты было предложено оценить по 53 утверждениям – шкалам, набор которых отражает наиболее часто фигурирующие в СМИ и сети Интернет характеристики перечисленных объектов.

Респондентам предлагалось оценить степень своего согласия с тем или иным утверждением относительно представленных объектов по 7-ми балльной шкале: от -3, до 3, включая 0.

Усредненная матрица данных, полученная в результате первого этапа, подвергалась процедуре факторного анализа (метод главных компонент) с последующим вращением «Varimax» Кайзера.

На первом этапе в исследовании принимало участие 178 респондентов, студентов старших курсов, в возрасте от 20 до 25 лет.

Для дальнейшего исследования из первоначальной матрицы, использовавшейся при проведении семантического дифференциала, было отобрано 22 утверждения, объясняющие большую часть дисперсии по полученным факторам. Эти утверждения были использованы на втором этапе исследования. Также анализ корреляционной матрицы показал, что полученная факторная структу-

ра может быть воспроизведена при использовании всего 9 объектов из предложенных 33-х на первом этапе. В набор данных объектов вошли: *гомосексуал, христианин, атеист, сотрудник правоохранительных органов, иммигрант, националист, террорист, представитель национальных меньшинств, мусульманин*. Представленные 9 объектов и выделенные 22 утверждения (см. таблицу 1) использовались в процедуре многомерного шкалирования на втором этапе исследования. На втором этапе нас интересовало не изменение самих категорий, которые предполагаются инвариантными, а изменение оценки объектов в системе данных категорий.

Таблица 1

Набор предложенных утверждений на втором и третьем этапах исследования (22 шкалы)

Мне нравится то, что они декларируют и делают
Они совсем не похожи на таких, как я
Мне близки их принципы
Я не одобряю ценностей этих людей
Они опасны для общества
Я уважаю таких, как они
Я во многом похож на них
Они опасны для таких, как я
Подобные люди мне безразличны
Их следует изолировать от общества
Я не против узнать их лучше
Мне неприятен их образ жизни
Я полностью поддерживаю их во всем
Я не понимаю, почему они себя так ведут
Мне неприятны их идеи
Я не понимаю их
Я не имею ничего против них, но предпочитаю держаться от них подальше
Меня тревожит, что с каждым днем их становится все больше вокруг
Они такие же граждане, как и я, у них те же права
Власти должны жестче поступать с подобными людьми
Мы должны лояльнее относиться к подобным людям
Их реальная опасность для общества гораздо выше, чем нам говорят

Сама выборка была разделена на две подвыборки — 90 и 88 человек. Одной группе предъявлялся сюжет, в основе которого были интервью и комментарии официальных лиц. Видеоматериал был смонтирован нами таким образом, чтобы в нем не содержалось откровенных, шокирующих сцен с места событий (демонстрация убитых, раненых и т. д.), комментариев очевидцев, самих заложников и собственно террористов. Тем самым мы свели к минимуму негативное эмоциональное содержание, сделав акцент на взвешенных и сдержанных комментариях специалистов и представителей государственных структур. Второй группе, напротив, предъявляли видеосюжет, содержащий минимум официальных комментариев и состоящий преимущественно из рассказов очевидцев, прежде всего бывших заложников, а также включающий кадры с места событий, показывающие жертв и самих террористов.

Стимульным материалом для исследовательской работы были два видеоролика, специально смонтированные на основе английского документального фильма 2005 года (с русскими субтитрами) «Хроники Беслана» о террористическом акте в городе Беслане (Северная Осетия) в сентябре 2004 года. Продолжительность самого фильма составляет 50 минут, а каждого из предъявляемых видеосюжетов около 20. Монтировались они таким образом, чтобы один видеоролик содержал только интервью и комментарии официальных лиц (сотрудников администрации, представителей органов правопорядка и т. д.) и был максимально уравновешенным, неэмоциональным по своему содержанию (насколько это было вообще возможно, учитывая саму тему). Второй ролик, помимо официальных комментариев, содержал еще и эмоциональные интервью самих заложников, а также кадры с места событий.

Результаты психосемантического исследования. В результате факторного анализа на первом этапе работы было выделено 3 фактора, описывающих 94,8 % общей суммарной дисперсии (см. таблицу 2).

Также, в результате проведенного анализа, были выделены факторные значения по оцениваемым объектам, представленные в таблице 3. На основании данных факторных нагрузок распределены оцененные объекты в пространстве факторов F1 и F2 (см. рисунок 1).

Обратимся к анализу содержания выделенных факторов. Первый биполярный фактор представляет собой ось семантического

Таблица 2

Факторы, выделенные на первом этапе исследования

F1 (46,9%)		F2 (34,5%)		F3 (13,5%)	
Подобные люди мне безразличны	0,96	Власти должны жестче поступать с подобными людьми	0,86	СМИ намеренно очерняют их	-0,91
Они совсем не похожи на таких как я	0,88	Их реальная опасность для общества гораздо выше, чем нам говорят	0,85	Власть, СМИ намеренно преувеличивает их опасность для общества	-0,83
Я никогда не стану для таких как они «своим»	0,86	Из-за таких как они, над нами смеются и не уважают за границей	0,83		
Я не имею ничего против них, но предпочитаю держаться от них подальше	0,86	Они явно злоупотребляют нашим терпением	0,79		
Их наличие в нашем обществе – результат дурного влияния за границы	0,85	Их поведение порой граничит с хамством и наглостью	0,76		
Мне непонятен их образ жизни	0,80	Они опасны для общества	0,75		
Я не понимаю их	0,78	Их следует изолировать от общества	0,73		
Я не одобряю ценностей этих людей	0,76	У них нет ничего святого	0,73		
Мне неприятны их идеи	0,76	Они опасны для таких, как я	0,82		
Я не понимаю, почему они себя так ведут	0,74	Они имеют полное право жить и думать так, как хотят	-0,89		
Меня тревожит, что с каждым днем их становится все больше вокруг	0,73	Они такие же граждане, как и я, у них те же права	-0,84		
Мне неприятен их образ жизни	0,70	Мы должны лояльнее относиться к подобным людям	-0,82		
Я стремлюсь быть похожим на них	-0,89				
Я бы хотел попасть в круг этих людей	-0,88				
Мне близки их принципы	-0,88				
Я во многом похож на них	-0,86				
Мне близок их образ жизни	-0,87				
Я полностью поддерживаю их во всем	-0,86				
Мне нравится то, что они декларируют и делают	-0,82				
Я разделяю их взгляды	-0,82				
Они являют собой достойный пример остальным	-0,81				
Я уважаю таких, как они	-0,79				
Хорошо, что в нашем обществе есть такие люди	-0,78				
Я не против узнать их лучше	-0,78				
Благодаря таким как они жизнь становится интереснее	-0,78				
У них есть чему поучиться	-0,76				

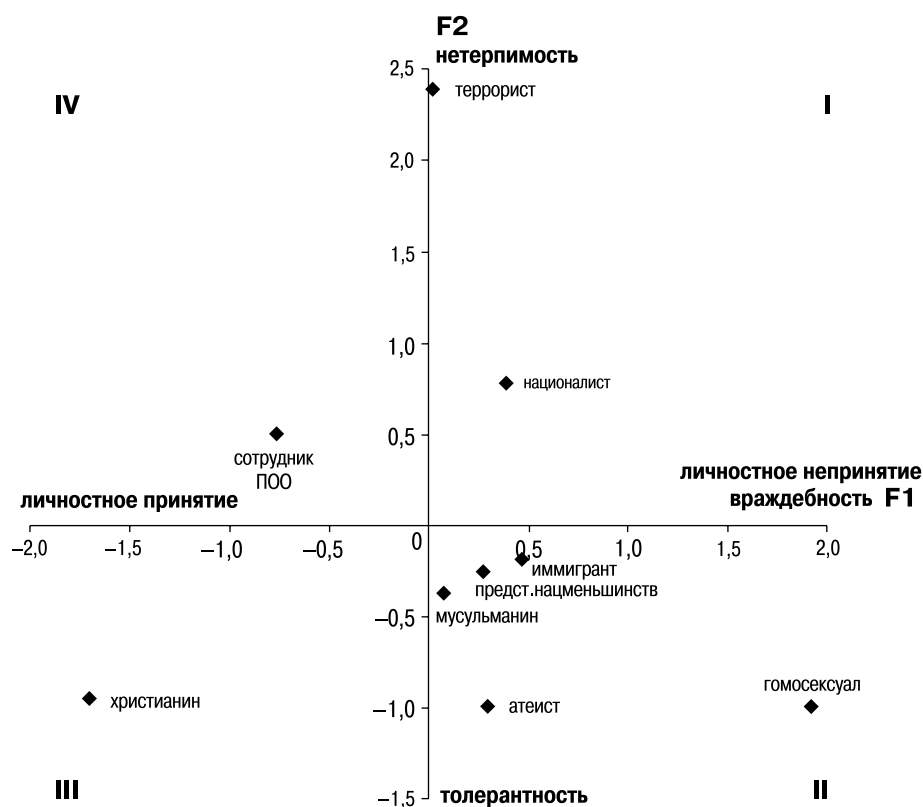

Рисунок 1

Размещение объектов в пространстве факторов F1 «личностное неприятие – личностное принятие» и F2 «толерантность – нетерпимость»

Таблица 3

Факторные значения по объектам

		F1	F2
1	Гомосексуал	1,93	-0,98
2	Христианин	-1,71	-0,95
3	Атеист	0,30	-0,98
4	Сотрудник ПОО	-0,76	0,50
5	Иммигрант	0,47	-0,18
6	Националист	0,39	0,80
7	Террорист	0,03	2,40
8	предст.нацменьшинств	0,28	-0,24
9	Мусульманин	0,08	-0,36

противопоставления «личностного принятия и неприятия». В положительный полюс данного фактора вошли утверждения, объединенные по общему основанию неприятия и неодобрения относительно норм по-

ведения, принципов и правил, оцениваемых респондентами, объектов. В целом, это отражение враждебной позиции (когнитивной составляющей агрессии) опрашиваемых. В состав отрицательного полюса, соответственно, вошли утверждения, касающиеся принятия, понимания и одобрения, что тоже основано, прежде всего, на когнитивной оценке. Оценивание в данном случае основывается на сопоставлении стереотипизированных ценностей и установок объектов (или групп) с собственными морально-этическими и идеологическими установками респондента. Утверждения, составляющие данный фактор можно объединить по одному общему основанию. В целом, они отражают степень идентификации респондента с предложенными объектами, но не по социальному, религиозному или национальному основанию, а по соотношению идеологических, моральных и этических категорий. Таким образом, данный фактор отражает одну из плоскостей (обозначенную как «личностное принятие или неприятие на основании собственных ценностно-нормативных установок) отношения и оценивания объектов. Первый фактор F1

мы обозначили как фактор «личностное принятие – личностное непринятие». Следует отметить, что, несмотря на отражение в данном факторе категорий, на которых основывается оценивание и отношение респондента, он, в целом, не содержит поведенческой и эмоциональной составляющей: здесь речь идет сугубо о процессе пассивной идентификации в системе, обозначенной нами как «свои – чужие». Это, определенного рода, когнитивная плоскость оценивания, относительно собственной позиции обывателя. Эмоциональное оценивание и проявление поведенческих установок в данном случае не являются приоритетными. Утверждения, составляющие фактор «личностного принятия – непринятия» не содержат рефлексии собственного эмоционального отношения к объектам и поведенческих намерений, связанных с различного рода эмоциями (прежде всего – страхом, отвращением, гневом). Подобные выводы иллюстрируются размещением объектов в пространстве данного фактора, где объекты противопоставляются не столько по основанию эмоциональной оценки, сколько соотношению ценностных норм.

В частности, такие объекты как *«террорист»* и *«националист»* обладают меньшими нагрузками по полюсу личностного непринятия, нежели *«мирный» «гомосексуал»*, который, тем не менее, кардинально не соответствует моральным и ценностным представлениям респондента (см. рисунок 1). С другой стороны, практически идентичны по своим весовым нагрузкам и расположению объекты *«славянин»* и *«христианин»*, очевидно, не столько по национальному и религиозному отождествлению, сколько по основанию идентификации собственной идеологической структуры и ценностных установок респондента с данными объектами. Так же как и, практически идентичное, расположение объектов *«мусульманин»* и *«атеист»*, по причине дефицита знаний о данных объектах и, как следствие, их непринятие и непонимание. Тот факт, что религиозная и национальная принадлежность объектов не являются в рамках данного фактора определяющими для оценивания подтверждает и близкое размещение объектов *«иммигрант»* и *«представитель национальных меньшинств»*, особенно, учитывая, что не все иммигранты и представители национальных меньшинств «не славяне» и «не христиане». Тем не менее – происходит отождествление и объединение данных объектов по основанию различия менталитета и ценностей объектов и самого респондента.

В отличие от первого фактора второй несет в себе не столько оценочную, сколько аффективную нагрузку, объединяя утверждения, содержащие эмоциональную и поведенческую направленность. Оценивание объектов основывается не на соотношении собственных и «чужих» точек зрения и ценностей, а на эмоциях, которые испытывает респондент по отношению к определенным объектам. В частности, утверждения, которые составили положительный полюс данного фактора содержат явно негативную эмоциональную нагрузку, связанную с гневом, агрессией и страхом. В то время как утверждения, вошедшие в состав отрицательного полюса можно объединить по основанию толерантной, уравновешенной позиции по отношению к объектам, включающей в себя уважение и интерес. В отличие от первого фактора, где все утверждения, входящие в него, объединены на основании рационального характера выносимых оценок, второй фактор составили утверждения, где эмоциональная и поведенческая составляющая являются приоритетными. Мы обозначили данный фактор как «страх, нетерпимость – толерантность, поддержка». Наиболее негативно по данному фактору оценивается объект *«террорист»*. Следует отметить, что по первому фактору данный объект получил менее негативные оценки, нежели такие как *«националист»*, *«представитель национальных меньшинств»* и *«гомосексуал»*. Таким образом, при наличии реакции страха и агрессии по отношению к террористам, они, тем не менее не вызывают столь сильного непринятия на уровне когнитивной оценки. С другой стороны, негативно респонденты оценивают также такие объекты как *«сотрудник правоохранительных органов»* и *«националист»*.

Отдельно отметим третий выделенный фактор, в который вошли шкалы (два утверждения), касающиеся отношения к СМИ. Сам по себе данный фактор униполярен, при этом, в утверждениях, которые вошли в него, прослеживается негативная позиция респондентов. Основываясь на утверждениях, которые вошли в данный фактор, можно сделать вывод о том, что он демонстрирует не столько позицию респондента по отношению к объектам оценивания, сколько к самим СМИ, в частности, к их готовности гипертрофировать и утрировать негативную составляющую любой передаваемой информации, в том числе, и о террористическом акте. С другой стороны, выделение утверждений, относящихся к СМИ в отдельный униполярный фактор

отчетливо иллюстрирует тот факт, что они представляются в сознании обывателей абсолютно автономным и независимым объектом, наделенным негативными характеристиками. Это, в свою очередь, подтверждает положение о важности роли СМИ в процессе формирования психологических последствий. Выделенный фактор показывает, что СМИ представляются своеобразным самостоятельным и, главное, негативным «участником» террористического акта.

Выделив, таким образом, устойчивую категориальную систему оценивания других объектов, обратимся к анализу динамики оценок в зависимости от самого характера предъявляемого видеоматериала. Исходно нами предполагалось, что наличие видеоматериала и его характер (прежде всего в плане эмоциональности содержания) будут способствовать изменению оценок объектов в указанной системе категорий. Для этого был проведен сравнительный анализ средних значений оценок объектов по факторам до предъявления видеосюжетов и после. Проанализируем изменения, связанные с оценками объектов по первому фактору.

Как видно из таблицы 4 и рисунка 2, наибольшие изменения в оценке коснулись объекта «террорист», что само по себе вполне прогнозируемо. Интересно, что по первому фактору прослеживается положительная динамика в оценивании данного объекта. На первом этапе исследования, когда респонденты оценивали предложенные объекты без предварительного просмотра видеосюжета о террористическом акте, «террорист» оценивался наиболее негативно и настороженно с позиции личностного неприятия и непонимания. Однако после предъявления видеосюжетов разного характера (с офици-

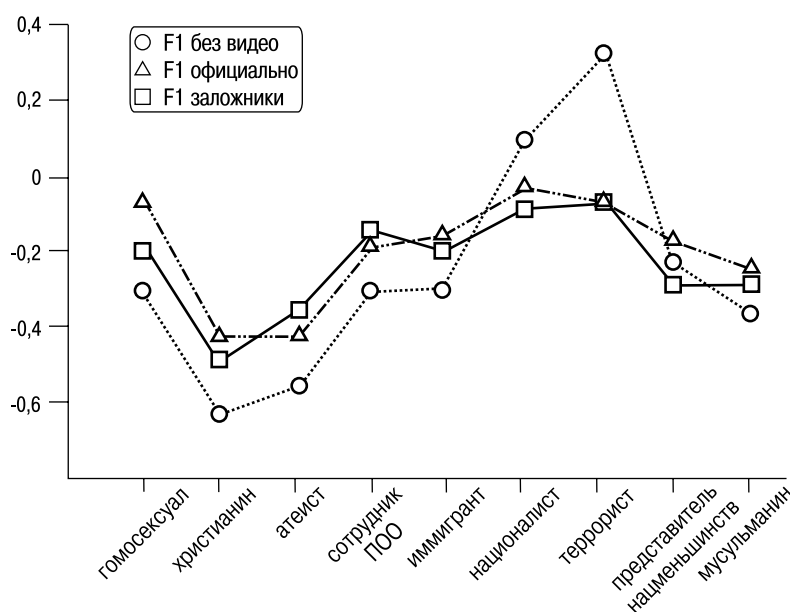

Рисунок 2

Усредненные оценки объектов по фактору F1

Таблица 4

Усредненные значения оценок объектов по фактору F1 (где F1 (без видео) — результаты, полученные без предъявления видеосюжета; F1 (офици.) — результаты, полученные после просмотра видеосюжета, основанного на официальных комментариях; F1 (заложники) — результаты, полученные после просмотра видеосюжета, содержащего комментарии заложников)

	Гомосексуал	Христианин	Атеист	Сотрудник ПОО	Иммигрант	Националист	Террорист	Представитель нацменьшинств	Мусульманин
F1 (без видео)	-0,26	-0,63	-0,55	-0,29	-0,29	0,11	0,32	-0,22	-0,36
F1(офици.)	-0,10	-0,41	-0,41	-0,18	-0,15	-0,02	-0,06	-0,27	-0,26
F1(заложники)	-0,19	-0,48	-0,36	-0,14	-0,20	-0,08	-0,05	-0,18	-0,29

альными комментариями и с рассказами самих заложников) об одном и том же террористическом акте оценки кардинально поменялись. Особенно важно, что изменилась полярность данных оценок, т.е. оценивание сместилось с одного полюса («личностное неприятие») на противоположный. Конечно, речь не идет о том, что отношение к террористам после предъявления видеосюжета изменилось в сторону одобрения, но подобную динамику следует трактовать как психологическое последствие, которое проявляется в процессе идентификации с агрессором на фоне актуализации страха смерти после террористического акта. В своем стремлении редуцировать страх смерти респондент склонен в том числе к тому, чтобы искать в действиях террористов оправдательную мотивацию, пытаться понять причины преступного поведения, придать ему рациональный характер. Подобная рационализация представляется своеобразным защитным механизмом, в том числе и отсроченным, который помогает косвенным участникам террористического акта (наблюдателям, свидетелям, телезрителям) оперативно восстановить нарушенную вследствие психотравмирующей ситуации картину мира, которая предполагает осмысленность дальнейшего существования человека и, главное, подконтрольность его жизни [4]. В данной ситуации необходимым условием достижения перечисленных целей как раз и является стремление подробнее и детальнее, без эмоций понять и принять суть происходящего. Подобная тенденция наблюдается нами и в исследовании.

Следует отметить, что данную тенденцию изменения отношения к террористам не следует трактовать как положительное следствие, которое, на первый взгляд, выражается в редукции панических настроений. Дело в том, что данная реакция, во-первых, как правило, временная, а значит, неэффективная. И, во-вторых, она предполагает и обратный, негативный эффект. Его опасность заключается в том, что на фоне рационального псевдопринятия террориста обыватель изменяет свое отношение к группам так называемых других, т.е. к объектам, которые, с точки зрения обывателя, являются носителями альтернативной (или откровенно опасной и враждебной) идеологии, системы принципов и правил. При этом данные группы объективно не являются источниками угрозы и опасности, но тем не менее, следуя положениям теории управления страхом, начинают восприниматься и оцениваться негативно

и даже враждебно [9]. Наблюдаемые в ходе исследования изменения в оценке других объектов не столь значительны, но игнорировать данную динамику неосмотрительно, т.к. при реальном столкновении обывателей с терактом (а не просто с его демонстрацией в процессе исследования) изменения будут носить более яркий и негативный характер. Очевидным подтверждением этому являются сильные вспышки ксенофобских настроений в первое время после совершенного террористического акта, которые, как правило, носят временный характер и демонстрируют как описанные выше механизмы идентификации, так и возникновение оборонительной агрессии и паники. Подобная картина наблюдается, в частности, относительно таких объектов, как «гомосексуал», «христианин», «атеист», «иммигрант» и «мусульманин». Отношение к ним со стороны обывателя смещается на более враждебное. Следует отметить, что основанием для оценивания данных объектов являются абсолютно разные сферы — от сексуальной ориентации (не содержащей, разумеется, никакой агрессии и экстремистской направленности) до религиозной и национальной принадлежности. Подобная генерализованная враждебность объясняется тем, что в состоянии страха и паники негативно оцениваться начинают не только объекты, напрямую угрожающие безопасности и жизни обывателя, но и те, чьи принципы и нормы не согласуются с его ценностной системой, с той лишь разницей, что в нейтральном эмоциональном состоянии они могут раздражать, намеренно игнорироваться, а в ситуации страха начинают восприниматься враждебно и открыто осуждаться. Страх смерти способствует изменению отношения обывателя не только к различным неформальным группам, меньшинствам и т. д., но и к вполне определенным структурам, наделенным властными полномочиями. В частности, можно проследить изменения в оценивании такого объекта, как «сотрудник правоохранительных органов», отношение к которому также становится более негативным. В принципе, это вполне очевидная реакция недовольства обывателя как самой структурой, отвечающей за безопасность, так и людьми, входящими в ее состав. Подобная негативная тенденция в совокупности с обратной динамикой отношения к террористам отчетливо иллюстрирует явление, которое среди психологов и специалистов по терроризму получило название стокгольмского синдрома.

Обратимся теперь к результатам по второму выделенному фактору (см. таблицу 5). По представленному графику видно, что, как и в предыдущем случае, кардинальных изменений в оценивании объектов не наблюдается (см. рисунок 3). Тем не менее выявленная динамика в целом подтверждает намеченную нами тенденцию, согласно которой при актуализации эмоции страха (прежде всего страха смерти) оценки приобретают более радикальное эмоциональное содержание. В частности, сравнивая оценки объекта «террорист» по первому и второму фактору, следует обратить внимание, что если в первом случае оценка смещается с отрицательного полюса на положительный, то во втором ситуация обратная. Оценивание «террориста» после предъявления видеосюжетов о террористическом акте становится более негативным, т. е., с одной стороны, мы на-

блюдаем упомянутый ранее процесс идентификации (на когнитивном уровне), который и способствует изменению полюсов оценки по первому фактору, а с другой — отмечаем страх и агрессию по отношению к тому же объекту в оценках по второму фактору. Следует отметить, что оба процесса взаимосвязаны между собой и представляют замкнутую циркулярную реакцию, иллюстрируя возможные психологические последствия терроризма. С одной стороны, упоминание о террористическом акте или его восприятие приводят к формированию негативных эмоциональных состояний (страх), агрессивных диспозиций по отношению к террористам, а с другой — именно подобные состояния способствуют тому, что в когнитивной плоскости присутствует готовность понять мотивацию и цели преступника, т.к. это может помочь редуцировать негативные состояния.

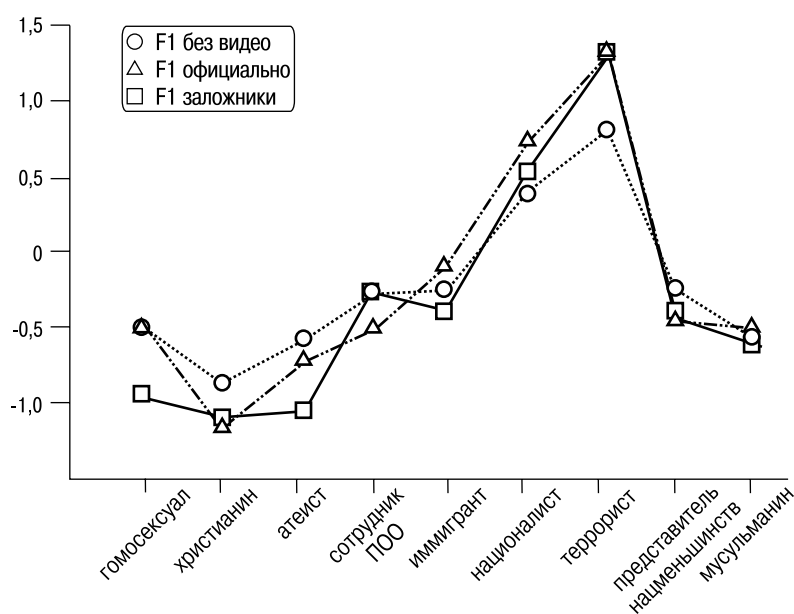

Рисунок 3

Усредненные значения оценок объектов по фактору F2

Таблица 5

Усредненные значения оценок объектов по фактору F2 (где F2 (без видео) — результаты, полученные без предъявления видеосюжета; F2 (офиц.) — результаты, полученные после просмотра видеосюжета, основанного на официальных комментариях; F2 (заложники) — результаты, полученные после просмотра видеосюжета, содержащего комментарии заложников)

	Гомосексуал	Христианин	Атеист	Сотрудник ПОО	Иммигрант	Националист	Террорист	Представитель нацменьшинств	Мусульманин
F2 (без видео)	-0,53	-0,92	-0,59	-0,35	-0,28	0,42	0,83	-0,31	-0,54
F2 (офиц.)	-0,51	-1,09	-0,72	-0,49	-0,09	0,74	1,29	-0,46	-0,49
F2 (заложники)	-0,91	-1,13	-1,04	-0,34	-0,42	0,54	1,31	-0,41	-0,57

Следует обратить внимание на изменение оценок объекта «христианин». Они представляются интересными для анализа, т.к. иллюстрируют тот вариант психологических последствий, которые в теории управления страхом названы «отсроченной» защитной реакцией человека, испытывающего страх смерти и находящегося в состоянии повышенной тревожности в силу резкого нарушения плановости и подконтрольности своего существования. Если по первому фактору наблюдаются изменения в отрицательную сторону, которые можно интерпретировать как процесс дистанцирования обывателя как светского человека от объекта — носителя религиозных, субъективно воспринимаемых как ортодоксальные атрибутов, то по второму фактору наблюдается обратная тенденция. Суть ее в том, что напуганный и встревоженный человек в своем стремлении защитить себя и свое мировоззрение, восстановить нарушенную картину мира обращается к отсроченной, «экзистенциальной» защите [4], которая заключается в формировании лояльной, одобрительной позиции по отношению к религиозным догматам и их носителям, в попытке через подобную идентификацию восстановить уверенность в осмысленности своего дальнейшего существования.

В заключение отметим основные выводы, касающиеся результатов проведенного исследования.

В выделенной нами системе «Свои — Чужие» следует отметить три вектора оценивания объектов: когнитивный, аффективный и поведенческий. При этом при постоянстве самой предложенной системы оценки отдельных объектов в ней весьма вариативны. Они способны изменяться и в положительную, и в отрицательную сторону и отражать как процессы принятия или непринятия субъектом воспринимаемых объектов, так и его эмоциональные и поведенческие реакции. При этом, как показывают результаты исследования, изменению оценки способствует не только сам просмотр видеосюжета о террористическом акте, но и его отдельные характеристики, такие как подробность и эмоциональность. Отметим также, что после просмотра видеосюжетов изменения в системе свои — чужие наблюдаются не только относительно террористов, но и относительно других объектов исследования. При

этом сдвиги в оценке происходят как в положительную, так и в отрицательную сторону. Подобные трансформации являются важным результатом, иллюстрирующим степень опасности социально-психологических последствий терроризма, которая заключается в том, что в силу неграмотной трансляции информации о террористическом акте в обществе формируется негативное отношение не столько к самим террористам, сколько к группам, чьи ценности или образ жизни существенно отличаются от представлений самого наблюдателя. А это, в свою очередь, вызывает или отторжение подобных групп, или проявление враждебности и агрессивного отношения к ним, что неминуемо приводит к расколу в самом обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ениколопов С.Н., Мкртычан А.А. Психологические последствия терроризма // Вопросы психологии.— 2008.— № 3 — С. 71–80.
2. Мкртычан А.А. Психологические последствия терроризма и СМИ // Труды по социологии образования. Т. XIII. Вып. XXII — М.: Институт социологии образования РАО, 2009.— С 53–84.
3. Петренко В.Ф. Основы психосемантики.— СПб.: Питер, 2005.— 480 с.
4. Arndt J., Goldenberg J.L. The Worm at the Core: A Terror Management Perspective on the Roots of Psychological Dysfunction // Department of psychological science. Applied and Preventive Psychology.— 2005.— № 11.— P. 191–213.
5. Bruno S., Dominik R. Blood and Ink! The Common-Interest-Game between Terrorists and the Media // Institute for Empirical Research in Economics University of Zurich.— 2006.— № 5.— P. 1–23.
6. Durodie W., Wesseley S. Resilience or panic: the public response to a terrorist attack // The Lancet — Vol. 360. Issue 9349.— P. 1901–1902.
7. Fischhoff B. Assessing and Communicating the Risk of Terrorism // Science and Technology in Vulnerable World.— Washington DC:, 2002.— P. 51–64.
8. Gillis J. W. Coping after Terrorism // The Handbook for US Department of Justice.— Washington DC:, 2001.— P. 4–11.
9. Goldenberg J. L., Pyszczynski T. Greenberg J., Solomon S. In the Wake of 9/11: The Psychology of Terror.— Washington: American Psychological Association, 2003.— 225 p.
10. Sandman P. M. Risk communication during a terrorist attack // URL: <http://www.hhs.gov>.